

УДК 93/99.Р4/Р5:93/

Массов А.Я.

Деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857 - 1917 гг.)

The Activity of Russian Consuls in Australia Aimed at Protection of the Interests of Russian Citizens and Immigrants (1857-1917)

С самого начала своей деятельности русские консулы в Австралии проявляли заботу об интересах русских подданных и эмигрантов, оказавшихся на пятом континенте. Они снабжали выходцев из России необходимыми документами, участвовали в защите русских от судебных преследований, в отдельных случаях оказывали посильную материальную помощь. Русские консулы покровительствовали православным верующим и содействовали строительству первого православного храма в Мельбурне. После революции 1905-07 гг. в России в Австралии появились политэмигранты. Перед консульской службой встала задача по возможности оградить русскую диаспору в Австралии от пропагандистской активности русских радикалов.

Ключевые слова: Австралия, консулы, русская диаспора, эмиграция, иммигранты

Russian consuls in Australia have always protected Russian citizens and emigrants who came to be on the fifth continent. They supplied Russian expatriates with necessary documents, took part in protection of prosecuted Russians, and in some cases supported them with feasible pecuniary aid. Russian consuls patronized orthodox believers and facilitated building of the first Orthodox Church in Melbourne. A group of political emigrants appeared in Australia after the Russian revolution of 1905-07. Consular service faced with a problem of protecting Russian diaspora in Australia from propaganda of Russian radicals.

Key words: consuls, Russian diaspora, emigration, immigrants

Первые выходцы из России появились в Австралии ещё в начале XIX в. Это были каторжники, попавшие на пятый континент за провинности, совершённые во время их пребывания в Англии. Так, например, в 1823 г. командир русского шлюпа Ладога Ан.П. Лазарев писал о встреченных им в Хобарте (Тасмания) четырёх бывших каторжниках, говоривших по-русски. Один из них, Иван Потоцкий, был выслан на

МАССОВ Александр Яковлевич, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (г. Санкт-Петербург). **E-mail:** amassov@gmail.com

Тасманию за воровство ещё в 1803 г. [7, с. 65-66; 1]. Известны и имена других каторжников, оказавшихся в Австралии в первой половине XIX в. [2]. Со времени открытия в Австралии золота (1851 г.) и начала «золотой лихорадки», одним из последствий которой стал стремительный рост населения пятого континента, число русских, или, точнее сказать, выходцев из России в австралийских переселенческих колониях стало быстро расти. В 1863 г. мичман русского корвета «Богатырь» П.С. Муханов отмечал, что «в Мельбурне трудно пройти по улице, не встретив кого-нибудь, говорящего по-русски», и указывал, что в городе «довольно много» поляков, немцев и евреев из западных российских губерний (Муханов, П.С. Австралия. Описание плавания в Австралию с историческим очерком её. – РНБ ОР. Ф. 608 (Помяловский И.В.). Оп. 1, Д. 3031. Л. 63). Выходцы из России пополняли, в основном, ряды золотоискателей. Вспомним в этой связи вошедшую в австралийский фольклор легенду (несомненно, имеющую под собой реальные основания) о некоем Русском Джеке – старателе на приисках Западной Австралии, работавшем там в 80-е гг. XIX в. [12]. Среди выходцев из России было немало дезертиров, бежавших с русских кораблей – как торговых, так и военных, заходивших в порты пятого континента. Причины бегства были различны. Чаще всего моряки-дезертиры стремились попасть на золотые прииски, соблазненные надеждой на быстрое обогащение и ослеплённые блеском жизни в австралийских портовых городах. На это обстоятельство, например, в 1871 г. обращал внимание командир клипера «Гайдамак» капитан-лейтенант М.Е. Колтовский, сообщая об исчезновении с клипера унтер-офицера Ларионова и матросов Белицкого и Брагина (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3063. Л. 514 об.-515; Ф. 870. Оп. 1. Д. 9752. Л. 51). Многие среди оказавшихся в Австралии россияне принадлежали к людям авантюрного склада или к тем, кого обычно называют «перекати поле»¹.

Следует подчеркнуть, что почти до самого конца XIX в. появление русских в Австралии не было следствием сколько-нибудь целенаправленной эмиграции в эту страну, а являлось, скорее, конечным итогом жизненных передышек и приключений. Однако это, происходившее пока достаточно спонтанно, но уже заметное увеличение количества российских подданных в австралийских колониях, можно расценивать как начало формирования российской диаспоры в Австралии. В целом на пятом континенте по переписи 1891 г. насчитывался 2881 эмигрант из России (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 34).

В 1857 г. в австралийских переселенческих колониях учреждается русская консульская служба. На пост российских нештатных консулов были назначены местные коммерсанты Дж. Деймион (в Мельбурне) и Э.М. Поль (в Сиднее). В 1875 г. их ранг был поднят до уровня консулов. Учреждение консульской службы России на антиподах было связано, главным образом, со стремлением русского правительства иметь оперативную и точную информацию о стремительном и удивительно успешном социально-экономическом развитии переселенческих колоний Великобритании, о нарастании процесса их политической интеграции, который в конечном итоге привёл к образованию в 1901 г. Австралийского Союза – формально нового британского доминиона, а фактически нового независимого государства. Вместе с тем одной из важнейших задач российских консулов стала защита интересов русских подданных, оказавшихся в Австралии.

Работа консулов с подданными Российской империи с самого начала становления русской консульской службы в Австралии приобрела

¹ Подробнее о выходцах из России, оказавшихся в Австралии во второй половине XIX в., см. [15; 16].

достаточно многообразный характер. Консулы продлевали паспорта и выдавали новые документы взамен утраченных. В 1863 г., например, с просьбой восстановить российский паспорт к Дж. Деймиону обратился российский подданный армянин по национальности Аредян (в архивном документе на английском языке его фамилия передаётся как Aredoan). В том же году о продлении российского паспорта консула просил некто В. Кноп (АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 27, 28). Консулы выступали посредниками в установлении контактов россиян, оказавшихся в Австралии, с теми или иными русскими государственными учреждениями (см., например, переписку о предоставлении права на въезд в Россию проживавшему в Австралии российскому подданному поляку Ю. Вагнеру в 1859 г.) (АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1146. Л. 4). Участвовали консульские представители России и в розыске людей. Так по просьбе, поступившей от Императорского российского консульства в Лондоне, Дж. Деймион участвовал в поиске некоего Пелиховского, видимо, одного из золотоискателей, который в итоге нашёлся в Новой Зеландии. «Эти люди, – жаловался в этой связи Дж. Деймион, – не имеют постоянного места жительства, и их подчас очень нелегко найти» (АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 12). Не редки были случаи, когда консулы должны были выправлять бумаги, связанные со смертью россиян (дело о смерти в 1859 г. моряка-финна и русского подданного Ф. Энберга, члена команды одного из торговых судов, находившихся в Австралии) (АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1146. Л. 19 и сл.). Дж. Деймион, знавший русский язык и умевший писать по-русски, помогал в подготовке писем в Россию. В 1863 г., например, он написал и отправил по консульским каналам письмо в Архангельскую губернию для отца некоего И. Шорина. Этот Шорин оказался в Австралии после 12 лет скитаний по разным странам и, как с удивлением отмечает русский консул, уже изрядно подзабыл свой родной язык (АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 45).

Особой заботой консулов было участие в поимке дезертиров и определении их дальнейшей судьбы. В 1863 г. русскому консульскому представительству пришлось вызволять из сиднейской тюрьмы и помочь в отправке в Россию О. Антонова, осуждённого на три месяца за квартирную кражу. Этот бывший военный моряк дезертировал с корвета «Гридень» ещё в 1857 г. во время посещения русским кораблём Южной Африки. В Австралию О. Антонов попал в 1860 г., успев побывать до этого в Англии и Америке. Дезертиром с торгового судна являлся и В. Артёмов, уроженец Саратовской губернии, который обратился за помощью в российское консульство в Мельбурне в 1867 г. (АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 22-24, 44-44 об.; Ф. 256. Оп. 555 а. Д. 1322. Л. 189 об.). Не без помощи консулов были возвращены на корабль беглецы с клипера «Гайдамак» уже упоминавшиеся унтер-офицер Ларионов и матросы Белицкий и Брагин (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3063. 514 об.-515; Ф. 870. Оп. 1. Д. 9752. Л. 51).

Живейшее участие в своих делах находили со стороны российских нештатных консулов в Мельбурне и Сиднее приезжавшие в Австралию русские путешественники, специалисты, учёные. Так, в 1881 г. Дж. Деймион помог русскому писателю-путешественнику Э.Р.Циммерману посетить парламент Виктории и тюрьму в Мельбурне [11, с. 482-485]. Демократические институты власти, успешно работавшие в Австралийских переселенческих колониях, всегда вызывали пристальный интерес россиян. Это же относится и к пенитенциарным учреждениям: по понятным причинам тема содержания заключённых и каторжников всегда очень интересовала русских. С благодарностью отзывался о помощи Дж. Деймиона русский горный инженер М.А. Шостак, побывавший в Австралии в служебной командировке в 1884 г. (РГИА. Ф. 468. Оп. 21. Д. 1114.

Л. 49 об.). Консул в Сиднее Э. Поль поддерживал дружеские отношения с Н.Н. Миклухо-Маклаем и даже предоставил ему для временного проживания свой дом, когда в 1878 г. русский учёный и путешественник приехал в Сидней. В 1880 г. Э.М. Поль передал Н.Н. Миклухо-Маклаю собранные для него в России по подписке деньги (4500 рублей), предназначенные для продолжения исследований русского учёного [3].

В 90-х гг. XIX в. начинается целенаправленная систематическая эмиграция русских на пятый континент, ставшая важным этапом в формировании уже не столько российской, сколько собственно русской диаспоры в Австралии. Ведущий отечественный специалист по истории русской диаспоры в Австралии Г.И. Каневская считает возможным обозначить период с конца XIX в. до конца первой мировой войны как первую волну русской эмиграции в Австралию [5, с. 359-360]. К 1914 г. по данным российского консульства в Мельбурне в Австралийском Союзе насчитывалось примерно 11 тыс. выходцев из России [6, с. 45]. Многие эмигранты первой волны были крестьянами, и главной причиной, по которой они стремились попасть в Австралию, стали сведения о наличии свободных земель на пятом континенте. Центром русской эмиграции стал штат Квинсленд и его столица город Брисбен. Во-первых, потому, что это был первый австралийский порт на пути тех русских, кто направлялся в Австралию через российский Дальний Восток. И, во-вторых, именно в Квинсленде в конце XIX в. было наибольшее количество свободных и пригодных для обработки земель, а правительство этой колонии проводило политику передачи земель вновь прибывающим поселенцам на льготных условиях. После первой русской революции состав русской диаспоры в Австралии пополнили эмигранты-революционеры, которых насчитывалось не более 500 человек, но которых отличали радикализм взглядов и необычайная политическая активность. Нагрузка на российский консулов в части их работы с русскими подданными заметно увеличилась. Однако работу с ними вели теперь уже профессиональные русские дипломаты.

В 1894 г. нештатное консульство в Мельбурне было преобразовано в штатное, в консульский округ которого в 1896 г. вошли помимо Виктории Квинсленд, Южная Австралия, Тасмания, Западная Австралия и Новая Зеландия, а после 1901 г. – вся территория Австралийского Союза. В 1902 г. статус российского консульского представительства был вновь повышен – оно было преобразовано в российское генеральное консульство в Австралийской федерации и Новой Зеландии. Расширение российского консульского представительства в Австралии во многом также было вызвано увеличением количества дел и усложнением работы консулов, связанной с защитой русских подданных и резидентов. Хотя австралийские власти в целом не препятствовали такого рода деятельности русских консулов, однако в некоторых случаях, особенно когда речь шла об имущественных вопросах (главным образом, установления или подтверждения прав наследования на собственность умерших россиян) возникали сложности. Проблемы обычно появлялись тогда, когда спорные дела имели место не в Виктории, а в других колониях, не входивших в консульский округ русского представительства в Мельбурне. В этой связи российский консул в Мельбурне Р.Р. Унгерн-Штернберг в феврале 1896 г. обратился в министерство иностранных дел в Петербург с предложением расширить эквекватуру императорского российского консула в Мельбурне на все австралийские колонии и Новую Зеландию. Консул мотивировал своё предложение тем, что «в виду независимости друг от друга колониальных правительств» его «официальное положение в одной колонии может быть не признаваемо в другой». Кроме того, «в виду немалого числа русских уроженцев, живущих в Австралии»,

Р.Р. Унгерн-Штернберг указывал на необходимость соответствующих полномочий, чтобы «сохранять во многих случаях права» как самих этих подданных, так и проживающих в России их наследников (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 139-139 об.). Аргументацию консула сочли в Петербурге убедительной, и в экзекватуру российского консула в Виктории были включены и другие австралийские колонии (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 126).

На защиту прав русских поданных консулы вставали незамедлительно. При этом не имело значения, идёт ли речь о русских или о людях других национальностей. В 1897 г, например, консул в Мельбурне Р.Р. Унгерн-Штернберг принял активное участие в вызволении из австралийской тюрьмы жителя Финляндии и, следовательно, российского подданного И. Андерсона. Этот матрос, служивший на английском торговом судне, во время пребывания его корабля в Аделаиде был арестован за участие в поножовщине поссорившихся между собой членов экипажа. В результате драки был убит один матрос-англичанин. Суд в Аделаиде признал И. Андерсона виновным и приговорил его к 10 годам каторжных работ. По мнению Р.Р. Унгерн-Штернберга, который опирался на отзывы австралийских экспертов, вина И. Андерсона была не вполне доказана и осуждение в известной мере могло быть объяснено «неприятным [отношением] австралийских политиканов вообще ко всему русскому» (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 890. Л. 11). «Я ... вынес тяжёлое впечатление – в этих краях российский подданный страдает невинно», – так доносил консул в Мельбурне об этом инциденте в императорское российское посольство в Лондоне (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 890. Л. 24-24 об.).

Получив карт-бланш от российского посла в Англии Е.Е. Стааля¹, Р.Р. Унгерн-Штернберг с необычайной энергией начал кампанию за пересмотр дела И. Андерсона. В переписку по этому вопросу были втянуты не только премьер-министр, лидер парламента и губернатор Южной Австралии, но и политики Лондона (в том числе премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании лорд Солсбери). Борьба за освобождение матроса заняла два года и в конечном итоге усилия, начало которым положил Р.Р. Унгерн-Штернберг, дали свои результаты. В марте 1900 г. лорд Солсбери сообщил Е.Е. Стаалу, что дело Андерсона, наконец, пересмотрено и после «тщательного изучения губернатор Южной Австралии даровал амнистию русскому моряку» (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 890. Л. 98).

В 1911 г. консул А.Н. Абаза столь же энергично пытался добиться пересмотра дела Б. Зеньковича, обвинённого в убийстве и ограблении также русского подданного А. Эйсмонта. Отложив все текущие дела, А.Н. Абаза поехал в Сидней, где присутствовал на судебных заседаниях. По версии обвинения убийство было умышленным. По словам подсудимого, он всего лишь оборонялся в ходе ссоры, и намерений убивать у него не было. Присяжные взяли сторону обвинения и приговорили Б. Зеньковича к смертной казни. Однако А.Н. Абаза посчитал, что судебный процесс не был полностью объективным из-за крайне некачественного перевода с русского языка на английский. По ходу процесса А.Н. Абаза несколько раз вынужден был исправлять плохо знавшего русский язык переводчика. Кроме того, в австралийской прессе появились статьи с искажённой информацией об обстоятельствах дела, которые могли повлиять на присяжных. После окончания процесса русский консул про-

¹ Из письма Е.Е. Стааля Р.Р. Унгерн-Штернбергу от 2 мая 1898 г. следует, что посольство, «вполне одобряя принятые Вами меры..., согласно и впредь на все непредвиденные Уставом действия Ваши в связи с настоящим вопросом» (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 890. Л. 17)

вёл консультации с адвокатами подсудимого и написал письмо судье с разъяснением своих возражений. Одновременно по неофициальным каналам он попытался предпринять меры, которые привели бы к замене соответствующей апелляционной инстанцией смертной казни на длительное тюремное заключение. К сожалению, исход всего этого дела по документам пока проследить не удалось (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1404. Л. 8-18).

Постоянной задачей русского консульского представительства в Австралии оставалась отправка неудачливых и разорившихся российских эмигрантов обратно на родину. Материалы о делах такого рода во множестве встречаются в архивных документах. Проблема при этом состояла в постоянной нехватке денежных средств, и консулы неоднократно обращались в российское посольство в Лондоне (именно ему формально подчинялось российское консульство в Мельбурне) с запросами о порядке и расходах на отправку таких бедолаг в Россию. В одном из таких запросов, испрашивая разрешение потратить деньги на эти цели из статьи «чрезвычайные расходы», консул Р.Р.Унгерн-Штернберг писал: «Воверенное мне консульство часто являются с просьбою об отправке на родину российские подданные... Оставлять подобных лиц без помощи считаю невозможным, и пока ни одному русскому подданному в участии и помощи не было отказано» (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 76-76 об.). В 1900 г. консул в Мельбурне Н.П. Пассёк обратился к генерал-губернатору Великого княжества Финляндского по поводу судьбы 125 финских поселенцев в Квинсленде, которые приехали вместе с семьями в эту австралийскую колонию в 1897-98 гг., но так и не смогли наладить жизнь на новом месте. При этом возвращение на родину также оказалось для них нереальным из-за отсутствия денежных средств. Не имея возможности оплатить поездку такой большой группы людей, консул дипломатично замечает, что если бы у генерал-губернатора Великого княжества Финляндского нашлись специальные суммы для возвращения этих поселенцев, то это было бы, «как мне кажется, лучшим исходом для десятков семейств русских подданных, которые по возвращении на родину служили бы живым примером опасности покидать родину». Информация о попавших в беду финнах, по мнению консула, даёт основания к масштабному «расследованию вопроса о переселенческой ситуации в Финляндии» (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 9-9 об.).

Новым направлением работы русских консулов со времени организации штатного российского консульства в Мельбурне стала поддержка и помощь православным Австралии в деле организации их религиозной жизни. Здесь следует отметить, что наряду с выходцами из России к православной конфессии относилось значительное число осевших на пятом континенте греков, а также православных подданных Османской империи – сирийцев и ливанцев. Уже первый штатный консул России в Мельбурне А.Д. Путята, занявший свой пост в 1894 г., выяснил положение дел в православной общине Мельбурна и активно поддержал её стремление построить собственный православный храм. С этой целью консул вступил в переписку с обер-прокурором Священного Синода К.П. Победоносцевым и русским консулом в Иерусалиме С.В. Арсеньевым. В письмах А.Д. Путята речь шла о материальной помощи со стороны Синода и о содействии консула С.В.Арсеньева в переговорах с Иерусалимской патриархией о посылке в Австралию знающего арабский и греческий языки православного священника (РГИА. Ф. 797. Оп. 64. Д. 160. Л. 7-7 об., 2-2 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3581. Л. 6-7; РГИА. Ф. 799, Оп. 5. Д. 851. Л. 2-5 об.). Однако довести до конца начатое дело А.Д. Путята не успел. В декабре 1894 г. он скончался от обострения болезни почек [17, с. 11]. Следующий русский консул Р.Р. Унгерн-Штернберг, лютеранин

по вероисповедованию, особой активности в решении конфессиональных проблем православных не проявлял, хотя и переправил в Петербург послание православных верующих Сиднея с просьбой о помощи в строительстве храма. Однако поскольку сиднейская община находилась под юрисдикцией Иерусалимской патриархии, русский Синод в помощи отказал (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 382. Л. 2-2об., 4-5). Точно также Синод никак не отреагировал на просьбу нового консула России в Мельбурне Н.П.Пассека об оказании в 1900 г. помощи православной общине Виктории в строительстве церковного здания в Мельбурне (см. АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 16об.). Тогда Н.П.Пассёк энергично принялся за дело сам. Русский консул видел в поддержке православных верующих не только свой нравственный долг, но и несомненную политическую выгоду для России. «Мне хотелось бы вселить в сердце не только здешних православных, но и всему населению здешней английской колонии, - писал он в июне 1900 г., - что великая православная Русь... везде и всегда покровительствовала православию, невзирая на народы и их подданства» (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 16). Н.П. Пассёк возглавил Комитет православной общины Мельбурна, который сумел по подписке собрать 600 фунтов стерлингов. На эти деньги был куплен участок земли, составлен проект храма и 19 декабря состоялась его торжественная закладка (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 13, 16об.-17).

Н.П. Пассёк попытался придать церемонии закладки православного храма как можно более торжественный и в максимальной степени политизированный характер. Сама дата закладки – 19 (6 по ст. ст.) декабря 1900 г. была выбрана не случайно – это был день тезоименитства русского императора Николая II. На церемонию были приглашены представители других религиозных конфессий, а также весь дипломатический корпус Виктории. Гостей встречал лично русский консул, а по завершении церемонии российское консульство устроило приём, подчеркнув тем самым причастность России к судьбам православных граждан Австралии. Телеграмма с сообщением о закладке православного храма в Мельбурне была отправлена министру иностранных дел России В.М.Ламздорфу в Ливадию – с явным расчётом, что содержание депеши станет известно государю. Расчёт Н.П.Пассека полностью оправдался – Николай II был ознакомлен с полученной из Австралии телеграммой и на обороте телеграфного бланка начертал: «Радуюсь этому событию, благодарю, сообщите о сём всем участникам церемонии»¹ (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 17об.).

Однако первые православные храмы Австралии были, в основном греческими. У русских своей церкви, как и своих священников до середины 1920-х гг. не было. Между тем по мере роста численности русской диаспоры в начале XX в. и концентрации значительного числа русских в штате Квинсленд и его столице Брисбене потребность в появлении русского храма и русского священника ощущалась всё острее. О необходимости именно в Брисбене разместить резиденцию русского православного священника писал в своём донесении в феврале 1914 г. российский генеральный консул в Мельбурне А.Н. Абаза, занявший этот пост в 1911 г. Русский дипломат особое значение придавал при этом умиротворяющему воздействию на русских иммигрантов религиозной практики (См. АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1506. Л. 58). Было важно сохранить у русских, оказавшихся в Австралии, духовную связь с родиной, ощущение, что они «и в далёкой Австралии не потеряли живой связи с отечеством и что здесь каждый русский в случае надобности может рассчитывать найти себе тёплое участие и сердечную помощь от родных ему людей»

¹ Освящение этого храма в Мельбурне – церкви Благовещения, произойдёт в 1901 г.

(АВПРИ.Ф.184, оп.520, д.1404. Л. 57-58 об.).

Как уже отмечалось, после революции 1905-07 гг. в России русская диаспора на пятом континенте пополнилась радикальными элементами, влияние которых становилось всё заметнее в русской иммигрантской общине. В 1910 г. был образован Союз русских эмигрантов (с 1914 г. он назывался Союз русских рабочих), который вскоре после своего создания под воздействием агитации политэмигрантов оказался на пробольшевистских позициях. Столь же радикально была настроена и эмигрантская русскоязычная пресса. Задача по-возможности уберечь русских австралийцев от воздействия революционной пропаганды становится одним из основных направлений в деятельности русского консульства и его главы А.Н.Абазы. При этом для выявления радикальных элементов в той или иной организации русских эмигрантов, консульство подчас обращалось к услугам полиции. Так, в 1911 г. по поручению русских консульских представителей полиция Квинсленда проверяла «на лояльность» Русское общество взаимопомощи в Брисбене (Fried-Poole c.llection on Russians in Australia (Queensland University, Brisbane). Box 8, folder 3). В том же 1911 г. А.Н.Абаза энергично, но безуспешно протестовал против избрания председателем Союза русских эмигрантов (СРЭ) большевика Ф.А.Сергеева (Артёма), «осуждённого на родине за государственные преступления» [Цит. по: 4, с. 170-171]. Более успешной была его борьба против печатных органов СРЭ. В 1912 и 1916 г. с подачи русского консула австралийские власти закрыли издания этого союза «Эхо Австралии» и «Известия Союза русских эмигрантов» [13, с. 112].

Одним из наиболее эффективных средств усиления контроля за жизнью русской общины и способом минимизировать влияние на её членов радикальных элементов А.Н. Абаза считал организационное укрепление и совершенствование русской консульской службы в Австралийском Союзе. «Наше консульское представительство в Австралии, – писал А.Н. Абаза в феврале 1914 г. в российское министерство иностранных дел, – далеко уже не удовлетворяет современным потребностям и не отвечает непрерывно возрастающим житейским вопросам... Нельзя не видеть, что разбросанное на протяжении... Австралии... многотысячное русское население имеет всего-навсего одно место, а именно консульство в Мельбурне, куда оно может обратиться за советом, помощью и защитой». «Результатом подобного положения, – развивал свою мысль А.Н. Абаза, – является то, что лишённые возможности своевременной поддержки со стороны отечественных властей многие русские принимают, даже против желания, австралийское подданство, между тем как другие – и таких сотни – подпадают под пагубное влияние бежавших из России политических преступников и в скором времени превращаются из мирных верноподданных переселенцев в ярких социалистов и анархистов» (АВПРИ. Ф. 184, оп.520, д.1506. Л. 57). А.Н.Абаза предложил открыть российские штатные консульства в столицах штатов Австралийского Союза, и развивать сеть нештатных консульских представителей в других городах Австралии. Предложенные А.Н. Абазой меры были реализованы лишь частично. К 1916 г. штатным оставалось только одно консульское учреждение – российское генеральное консульство в Мельбурне, однако нештатные консульские сотрудники, в основном из числа местных коммерсантов, работали в Аделаиде, Брисбене, Хобарте, Дарвине, Ньюкасле, Перте, Порт-Пири, Сиднее и Фримантле [8, с. 51].

Начало Первой мировой войны поставило перед русскими консульскими представителями в Австралии новые задачи по работе с русскими подданными. В 1915 г. А.Н. Абаза предпринимает активные действия по возвращению в Россию с последующей отправкой на военную службу проживавших в Австралии русских резервистов в возрасте от 21 года

до 38 лет. Ему удалось добиться от австралийских властей запрета на натурализацию россиян в возрасте от 18 до 50 лет [14, с. 75]. В случае невозможности возвращения русских граждан призывного возраста домой резервистам предлагалось вступать в армии союзников. По согласованию с министерством обороны Австралии военные власти всех штатов были обязаны регулярно передавать российскому генеральному консулу списки русских, вступивших в австралийскую армию (NAA. MP 16/1, 15/3/1674).

После февральской революции 1917 г. в России революционная активность русских политэмигрантов в Австралии необычайно усилилась. Пытаясь хоть как-то разобраться в положении дел и по возможности найти пути умиротворения русской эмиграции, в октябре 1917 г. А.Н. Абаза лично отправился в инспекционную поездку в Брисбен. Она проходила в тесном взаимодействии с чинами австралийской военной разведки, поскольку русских радикалов небезосновательно обвиняли в проведении антивоенной пропаганды. Итоги поездки были неутешительны. Выяснилось, что большинство русских резидентов в Брисбене сочувствуют анархо-синдикалистам из организации «Индустриальные рабочие мира», а их печатные издания публикуют статьи «нежелательного характера» (NAA. BP4/1, 66/4/2072).

К концу 1917 г. и особенно после октябрьского переворота в России консул А.Н. Абаза практически утратил влияние на развитие политической обстановки в русской диаспоре. По инициативе русских радикалов 12 декабря 1917 г. состоялся митинг русских резидентов в Мельбурне, а 14 января 1918 г. – в Брисбене, на которых их участники фактически выразили недоверие российскому генеральному консулу в Австралийском Союзе А.Н. Абазе и выбрали комитеты, которые должны были представлять интересы русских перед федеральным правительством Австралии и соответственно правительствами штатов Виктория и Квинсленд (NAA. A981, CONS 241). А.Н. Абаза пытался протестовать, направив соответствующее письмо премьер-министру Австралии У.М. Хьюзу. Однако секретарь департамента премьер-министра М.Л. Шепард, который ответил на письмо русского консула, протест, по существу, отклонил. В своём ответе он сообщил, что комитеты будут защищать интересы русских только в случае отъезда Абазы из Австралии и правительство Австралийского Союза ни в коей мере не рассматривает их в качестве консульских учреждений (NAA. A981, CONS 241). При этом ещё в начале декабря 1917 г. австралийское правительство отказалось признавать выдаваемые русским консулом паспорта и другие консульские документы. В таких условиях А.Н. Абаза счёл необходимым сложить с себя полномочия русского генерального консула, о чём и уведомил премьер-министра Австралии письмом от 26 января 1918 г. (NAA. A981, CONS 241).

Отставка А.Н. Абазы означала, по сути дела, прекращение консульских связей между Австралийским Союзом и Россией. Попытка Советского правительства назначить в начале 1918 г. своего генерального консула – П.Ф. Симонова оказалась неудачной – Австралия отказывалась иметь какие-либо отношения с Советским правительством [Подробнее см. 10; 9, с. 108-111, 124-131; 13].

Вместе с ликвидацией консульских отношений между Россией и Австралией надолго прервались и традиции работы дипломатических представителей России с русскими австралийцами. Они не были возобновлены и после установления в 1942 г. дипломатических отношений между СССР и Австралийским Союзом: советское государство не желало иметь дело с эмигрантами, которых в СССР расценивали исключительно как предателей родины. Только лишь в последние два десятилетия российские дипломаты на пятом континенте возродили традиции своих

предшественников по работе с соотечественниками. Однако опыт их работы заслуживает, очевидно, самостоятельного исследования.

Литература

1. Говор, Е. Судьба превратного счастья или тайна Джона Потоцкого // Австралиада. Русская летопись. 1996, № 7. С. 3-7.
2. Говор, Е.В. Русский, голландец, индеец-тлинкит. К истории ссыльных россиян в Австралии // Австралиада. Русская летопись. 2000, № 22. С. 3-7.
3. Голос, 23.03.1880.
4. Жуковский, Н.П.. Дипломаты нового мира. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986. 349 С.
5. Каневская, Г.И. «Мы ещё мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в – вторая половина 80-х гг. XX в). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. 372 С.
6. Каневская, Г.И. «Я бездомный, но зато на воле...». Русские перемещённые лица в Австралии (1947-1954 гг.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. 230 С.
7. Лазарев, Ан.П. Плавание вокруг света на шлюпе «Ладоге» в 1822, 1823 и 1824 годах. Шлюпом начальствовал лейтенант Андрей Лазарев. СПб.: Морск. тип., 1832. 276 С.
8. Олтаржевский, В.П. Начало деятельности российского консульства в Мельбурне (Австралия). // Проблемы истории Австралии и Океании. Иркутск: Иркутский государственный ун-т, 1990. С. 26-45.
9. Рудницкий, А.Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М.: Наука, 1991. 191 С.
10. Симонов, П. Три с половиной года советского дипломатического представительства // Международная жизнь. 1922 № 15 (133). С. 61-66.
11. Циммерман, Э.Р. Путешествие по Австралии и Океании // Отечественные записки. 1882. Т. 265, № 12. 1882. С.443-488.
12. Bridge, P.J. Russian Jack. Perth: Hesperian Press, 2002. 134 С.
13. Fried, E. The First Consul: Peter Simonoff and the Formation of the Australian Communist Party // Russia and the Fifth Continent. Ed. by J.McNair and T.Poole. Brisbane: University of Queensland Press, 1992. С. 110-125.
14. Govor, E. Russian Anzacs in Australian History. Sydney: UNSW Press in association with the National Archives of Australia, 2005. 310 с.
15. Govor, E. Russians in Australia, 1804-1920: Convicts, Swagmen and Anzacs // Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian relations 1807-2007. Adelaide: Crawford House Publishing, 2007. С. 116-141.
16. Price, Ch. 1992. Russians in Australia: A Demographic Survey // Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations. Brisbane: University of Queensland Press, 1992. С. 54-80.
17. Protopopov, M. Alexis Dmitrievitch Poutiata. 1st Imperial Russian Consul to the Australian Colonies. Melbourne: University of Melbourne, Department of Germanic Studies and Russian, 1995. 50 с.